
КИТАЙ О ПРИМЕНИМОСТИ К АРКТИКЕ РЕЖИМА УПРАВЛЕНИЯ «ОБЩИМ НАСЛЕДИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Елена Киенко*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-2-47-13-21

Введение. В статье анализируется, в общем контексте современного международного права, позиция Китайской Народной Республики, наиболее жестко выступающей за применимость режима управления «общим наследием человечества» к Арктике, ссылаясь на Часть XI Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания (диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой методы).

Результаты исследования. В результате проведенного анализа выявлено, что современную позицию Китая в отношении режима управления Международным районом морского дна как «общим наследием человечества» и в целом в отношении морского права неприемлемо характеризовать в исключительно негативных оценках, как это было в период противостояния между СССР и КНР в 1960-1980 годах. Объективно долговременные интересы КНР и Российской Федерации в поддержании международного морского права совпадают. Вместе с тем современная правовая политика КНР отличается от заявленной во время Третьей Конференции ООН по морскому праву, она стала более ориентированной на продвижение национальных интересов Китая в Арктике, на создание в Северном Ледовитом океане района «общего наследия человечества», вопреки тому, что ни одно из пяти приарктических государств за это не высказывается.

Обсуждение и заключение. В статье сопоставляются доводы Китая в пользу применимости к Арктике норм о районе «общего наследия человечества» с доводами об отсутствии намерения приарктических государств создавать в Арктике такой район, представленными в международно-правовой науке, в том числе в трудах, раскрывающих юридическое содержание термина «общее наследие человечества». В контексте позиций приарктических государств по данному вопросу, в том числе и отраженных в материалах Третьей Конференции ООН по морскому праву (1973 – 1982 гг.), выявлены причины поддержки Китаем инициативы в США концепции «общего наследия человечества» и попыток Китая расширительно её толковать, особенно применительно к Арктике.

* **Киенко Елена Викторовна**, сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
ORCID ID: 0000-0001-8997-065X.
e-mail: miss.kienko@yandex.ru

Введение

В научно-правовой литературе уже не раз отмечено, что национальным интересам России не соответствует создание района «общего наследия человечества» в Арктике, тем более за счет сокращения площади континентального шельфа России, находящегося в пределах её арктического сектора [7. С. 162-163; 6. С. 222]. Общеизвестна «негативная реакция руководства Российской Федерации на идею передачи арктических пространств под режим международного управления» [8. С. 78]. Ревизия арктической правовой политики Российской империи и затем Советского Союза (секторальное разграничение прав на земли Арктики, в т. ч. подводные) была осуществлена, как отмечено в Российском совете по международным делам, при Президенте Ельцине Б.Н. в 1997 г. принятием известного Постановления Правительства России. Тогда же была начата работа по отграничению, на основе ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) российского шельфа в Арктике от Международного района морского дна – «общего наследия человечества». На основе такой работы Россия в 2001 г. направила представление в Комиссию по границам континентального шельфа, согласно которому добровольно отказывалась от более чем 300 тыс. км² морского дна в её арктическом секторе, не считая этот участок дна российским шельфом [5. С. 29-31]. Вопреки ранее обозначенной в российской науке позиции – о праве России «на распространение своих исключительных суверенных прав на ресурсы континентального шельфа в пределах арктического сектора» [1. С. 33].

Одностороннее самоограничение Россией своего арктического шельфа на основе формального исполнения лишь ст. 76 Конвенции 1982 г. (об отграничении шельфа от «общего наследия человечества»), при игнорировании правовых возможностей по ст. 83 этой же Конвенции (о делимитации шельфа, в частности, между государствами с противоположащими побережьями, т.е., в данном случае, с Канадой и Данией) было сразу поддержано в документах ЕС и НАТО [1. С. 29]. При том, что именно западно-европейские государства, составляющие вместе с США «ядро» НАТО, выступили, начиная с 1982 г., против реализации механизма «общего наследия человечества» (далее – ОНЧ) в том

виде, в каком он согласован в Части XI Конвенции 1982 г. Результатом этого противодействия конвенционного механизма ОНЧ стали его сущностные изменения, впоследствии отраженные в Соглашении 1994 г. об осуществлении Части XI Конвенции 1982 г. (далее – Соглашение 1994 г.) [2. С. 148].

В этом сложном политико-правовом контексте для России¹ имеет принципиальное значение выявление правовой позиции Китая в отношении применимости к Арктике того режима управления ОНЧ, который сегодня предусмотрен Конвенцией 1982 г. и Соглашением 1994 г. Китайская Народная Республика (далее также – КНР, Китай) – стратегический партнёр и союзник России, соседнее с нашей страной государство, занимающее первое место в мире по числу населения, второе место – по базовым экономическим показателям, причём с активно развивающейся экономикой, постоянный член Совета Безопасности, ядерная держава. Сегодня на международной арене Китай позиционирует себя в качестве крупной морской державы с третьим по величине флотом, с одним из самых обширных побережий; «околоарктическим государством», которое «без сомнений, является одним из наиболее активных государств из числа заинтересованных в деятельности, осуществляемой в глубоководных районах морского дна (there is no doubt that China is one of the most active States that are interested in deep seabed activities)» [15. С. 184].

Исследование

Как отмечено, впервые о создании международного режима управления железомарганцевыми конкрециями морского дна стали говорить в США в 60-х гг. XX в. [9. С. 438]. Но в формально-юридическом плане концепция ОНЧ была официально представлена в речи посла Мальты А. Пардо на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1967 году [9. С. 439-440]. Формирование правового режима ОНЧ обозначили следующие документы. В 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции (Резолюция 2749 (XXV)), в которой такой район морского дна и его ресурсы квалифицированы как «общее наследие человечества», которое не подлежит присвоению и для этого будет установлен международный режим разведки и разра-

¹ О месте России в современном мире подробнее [См.: 17, 18, 19].

ботки минеральных ресурсов [3. С. 164-165]. Декларация оказала влияние на трудное согласование Части XI Конвенции 1982 г., начиная с определения термина «общее наследие человечества». Согласно ст. 136 Конвенции 1982 г., «Район» в горизонтальном измерении ограничен той частью дна Мирового океана, которая остается за пределами национальной юрисдикции, конкретнее, после установления прибрежными государствами внешних границ своего континентального шельфа, в соответствии со ст. 76 Конвенции 1982 г. В вертикальном измерении, как подчеркивается в науке, «Район» ниже недр не простирается [2. С. 128]. Термин «Район», обозначающий новый режим морского дна, на договорном уровне впервые был зафиксирован в Конвенции 1982 г. В Женевских морских конвенциях данный термин не используется.

Из пяти приарктических государств, чьим побережьем полузамкнут Северный Ледовитый океан с его морями, не все стали участниками Конвенции 1982 г. США не взяли на себя конвенционные обязательства по исполнению режима ОНЧ² [8. С. 67]. Положения Части XI Конвенции 1982 г. с самого начала вызвали неудовлетворенность у США, других западных ведущих экономик мира, в т. ч. Великобритании, Франции, Италии, а также Канады и Японии. Это, в конечном счете, и привело к изменению Части XI по Соглашению 1994 г.

Пять приарктических государств, которые имеют в Северном Ледовитом океане районы своего континентального шельфа, объективно не заинтересованы в создании здесь интернационального режима «общего наследия человечества», управляемого Международным органом по морскому дну (далее – Орган), находящемся на берегу тёплого Карибского моря. В ином случае гипотетическое управление Органом таким районом принесло бы дополнительные риски для приарктических государств, побережье которых замыкает этот самый маленький по площади и по глубинам из океанов, к тому же не покрытый льдом в его значительной части. Речь идет о новых рисках: 1) привнесения новых «игроков» в разработку морских недр Арктики и, соответственно, 2) о дополнительных рисках загрязнения хрупкой арктической природной среды; 3) о сокращении площади района арктического шельфа, находящегося в настоящее время под юрисдикцией, по меньшей мере, одно-

го приарктического государства; 4) о риске роста конкуренции среди разработчиков морских недр Арктики. Но идея создания в Арктике Международного района морского дна за счет шельфа, как минимум одного, приарктического государства выглядит привлекательной для тех государств, которые не имеют своего континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. Такие государства продвигают эту идею на основании пп. 4 и 7 ст. 76 Конвенции 1982 г., по смыслу которых прибрежное государство обязано установить внешнюю границу подводной окраины материка «во всех случаях», причем согласно конвенционным критериям и через нью-йоркскую Комиссию по границам континентального шельфа. Но при этом, как отмечено в науке, игнорируется п. 10 ст. 76 – о том, что данное обязательство не применимо к случаю, когда прибрежные государства разграничивают континентальный шельф между собой, по ст. 83 Конвенции 1982 г. или согласно обычным нормам международного права.

Одни приарктические государства (Норвегия) воспользовались процедурой отграничения своего шельфа от ОНЧ по ст. 76 Конвенции 1982 г. для решения иных проблем. В случае с Норвегией – для международного (от Комиссии по границам континентального шельфа) подкрепления прав Норвегии на арктический шельф к северу от архипелага Шпицберген, с учетом спорности вопроса о природе прав на шельф в районе действия Договора о Шпицбергене 1920 г. [5. С. 31-32]. Другие – как, например, Дания и Канада, будучи удивлены кардинальными изменениями арктической правовой политики России после её обращения в нью-йоркскую Комиссию с первым представлением в 2001 г. данных о внешней границе арктического шельфа России, последовали её примеру, сразу присоединившись к Конвенции 1982 г., но при этом, в отличие от России, не ограничивая шельф в своих арктических секторах в пользу ОНЧ. Наконец, США, посредством политики, заявленной в документе американского Сената, последовательно выступают за недопущение применения к Арктике концепции «общего наследия человечества», как не отвечающей их национальным интересам. Но при всем этом, пока пять приарктических государств не достигли договоренности о создании за счёт своих арктических шельфов ОНЧ в Северном Ледовитом океане. Соответственно, как

² Другие Части Конвенции 1982 г. США считают обычными нормами международного права.

отмечено в отечественной международно-правовой доктрине, «пять арктических государств вправе разграничить между собой все районы дна мелководного, полужамкнутого Северного Ледовитого океана как их континентального шельфа на основе международного права (его обычных норм; положений ст. 6 Конвенции о континентальном шельфе 1958 г.; или ст. 83 Конвенции 1982 г.). В этом случае в Арктике не будет международного района морского дна» [4. С. 31].

Китай подписал Конвенцию ООН по морскому праву 10 декабря 1982 г., ратифицировал её 15 мая 1996 г. Ещё до восстановления прав Китайской Народной Республики в ООН в октябре 1971 г. представители КНР подвергали резкой критике Женевские морские конвенции 1958 г., считая их результатом «манипуляции сверхдержав», служащих исключительно их интересам, но ущемляющих интересы новых независимых государств «третьего мира». Как отмечено в науке, «китайская делегация выступала против всех правовых норм, связанных с концепцией открытого моря» [10. С. 123]. Особенно делегация Китая критиковала такие ключевые понятия Женевских морских конвенций 1958 г., как «свобода открытого моря», «свобода судоходства» и т.д., которые были выгодны, по её мнению, только крупнейшим морским державам. Китайская делегация «пыталась представить дело так, будто эти свободы «являются, по существу, «свободами» сверхдержав, подвергающих агрессии, угрозе и грабежу другие страны» [10. С. 123]. По мнению Китая, критерии разведки и разработки континентального шельфа также должны рассматриваться как наиболее благоприятные для государств с развитыми технологиями. Поэтому Китай (вместе с другими развивающимися странами, но не с СССР) выступал за новые правовые концепции, призванные быть реализованными в новой конвенции по морскому праву.

После восстановления прав в ООН Китай присоединился к работе Комитета ООН по мирному использованию дна морей и океанов за пределами действия национальной юрисдикции, в рамках которого шла подготовка Третьей Конференции ООН по морскому праву. На этой Конференции КНР участвовала практически во всех сессиях в целях разработки и принятия Конвенции 1982 г.

Как отмечено в советской науке, «на первом этапе этой Конференции ООН имело место *внешнее схождение* позиции Китая и определенной части развивающихся стран

по ряду обсуждаемых вопросов» [10. С. 122], так как китайской стороной были озвучены те предложения представителей развивающихся стран, которые отвечали национальным интересам Китая. На конференции Китай выступал «за подрыв и ликвидацию ныне действующих норм международного права», пытался заменить «традиционную схему «территориальное море – открытое море» иной схемой «морской район в пределах действия национальной юрисдикции – международный морской район», где в первое понятие входят территориальные воды максимально возможной ширины, континентальный шельф» [10. С. 123], а во второе понятие – не только за пределами национальной юрисдикции, но и поверх лежащие воды. Агентство «Синьхуа» в своём комментарии об итогах одной из сессий этой Конференции высказалось так: «Упрямо стоя на позиции старого морского права на данной сессии, советский социал-империализм, как и другая сверхдержава (имеется в виду – США), требует «свободы открытого моря», «свободы судоходства», «свободы пролёта» и «свободы научных исследований». Это наглые требования» [10. С. 124]. Однако, как отмечено в научной литературе, «попытка китайской дипломатии ликвидировать традиционные понятия и нормы морского права поддержки на конференции не получила» [10. С. 124]. Воздерживаясь от присоединения в настоящее время к такой тональности, Китай в своих официальных документах подчеркивает, что является единственной державой, последовательно выступающей за создание района «общего наследия человечества» в Арктике.

Китайские правоведы выделяют следующие «примечательные черты» международно-правовой позиции Китая на Третьей конференции ООН по морскому праву: 1) предложения Китая были сформулированы «широко», как «принципы», но не как «конкретные правила регулирования»; 2) такой подход не менялся по большинству обсуждаемых на Конференции вопросов; 3) на Конференции Китай чётко поддержал концепцию «общего наследия человечества», в том числе применительно к ресурсам открытого моря, а не только на ресурсы морского дна за пределами национальной юрисдикции прибрежных государств [16. С. 275]; 4) некоторые положения проекта Конвенции, рассматриваемого на Конференции, определяющие режим глубоководной разработки морского дна, предоставляют «чересчур большие преимущества несколь-

ким промышленно развитым странам» (have been given too much advantage to a few industrialized countries) [16. С. 287]; 5) китайская делегация заявила о решительной поддержке принципа «общего наследия человечества» ко всем районам Мирового океана за пределами национальной юрисдикции, т. е. в том числе и в Арктике; 6) деятельность в таких районах «должна управляться международным органом, который предстоит создать (shall be governed by the international regime and international machinery to be established)», а «функции такого органа не должны быть сведены лишь к делам, связанным с регистрацией, выдачей лицензий и координацией деятельности на морском дне (the functions of the machinery should not be limited to handling matters of registration, license-issuing and coordination of matters pertaining to the seabed)»; 7) необходима «приостановка разработки континентального шельфа вплоть до установления международного режима морского дна (a halt to seabed exploitation pending the establishment of international regime)» [16. С. 276]. Представители Китая настаивали на том, что Орган, управляющий «общим наследием человечества» должен иметь широкие полномочия, включая право на управление разведкой и разработкой ресурсов шельфа, и должен регулировать всю деятельность в международном районе, в том числе проведение научных исследований, производство, переработку, реализацию добытых полезных ископаемых. Планировалось, что данная структура будет состоять из Ассамблеи, Совета и Предприятия. В Ассамблее, главном органе структуры, будут представлены все государства. В функции Ассамблеи будет входить формулирование политики по всем ключевым вопросам, предоставление инструкций Совету и другим вспомогательным органам. Совет, как исполнительный орган, будет нести ответственность перед Ассамблеей и действовать в соответствии с её руководящими принципами. Предприятие будет подчинено Ассамблее и Совету и будет отвечать за все операции, касающиеся разведки, разработки ресурсов и научных исследований³.

Несмотря на то, что не все замечания китайской делегации отражены в оконча-

тельной редакции Конвенции 1982 г. и Соглашении 1994 г., участие Китая в этих международных договорах связано с тем, что Китай рассчитывал на то, что Конвенция 1982 г. заменит собой «устаревшие» морские конвенции 1958 г. Впоследствии китайское правительство продолжало выступать против некоторых положений Конвенции 1982 г., принимая внутреннее морское законодательство, в частности, Закон о территориальном море и прилегающей зоне 1992 г., Закон об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе 1998 г., Закон о разведке и разработке ресурсов в глубоководных районах морского дна в районе 2013 г.

Сегодня Китай последовательно укрепляет свои позиции на море за счёт активного развития экспедиционного рыболовного и торгового флота; за счет развития физической и биологической океанологии, океанической геологии и химии, «обеспечивая тем самым получение новых научных данных и базу для развития морского рыболовства, освоения морских месторождений нефти и газа, охраны морской среды, для предупреждения нейтрализации последствий морских стихийных бедствий»⁴. Национальные интересы в сфере безопасности продолжают играть главенствующую роль в определении направления развития морской политики Китая. В соответствии с заявлением в 2010 г. контр-адмирала Й. Жу (Yin Zhuo), Китай не скрывает своих амбиций в отношении природных ресурсов, судоходных путей в Арктике, объясняя это тем, что имеет такие же права, как и другие государства, в том числе арктические. Китай является страной Северного полушария, которая сильно обеспокоена изменениями климата и сокращением площади льда в Арктике, так как это может оказать прямое воздействие на само государство. Кроме того, китайский контр-адмирал заявил, что «Арктика принадлежит всем людям мира, так как ни одно государство не имеет суверенных прав в Арктике» (the arctic belongs to all the people around the world as no nation has sovereignty over it) [12. С. 45]. Подобные идеи высказывались и раньше. В 2009 г. помощник министра иностранных дел Китая Ху Чжэньюэ (Hu

³ Legislative History of the «Enterprise» under the United Nations Convention on the Law of the Sea and the Agreement relating to the Implementation of Part XI of the Convention. Published in Jamaica 2002 by International Seabed Authority. URL: <https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/enterprise-ae.pdf> (accessed date: 01.05.2018).

⁴ Развитие морского хозяйства в Китае (Белая книга). Доступ: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/ziliao/zt/zfbps/t25321.shtml> (дата обращения: 01.05.2018).

Zhengyue) выразил мнение о том, что арктические государства обязаны «обеспечивать баланс между своими интересами и интересами всего международного сообщества» (ensure a balance of coastal countries' interests and the common interests of the international community) [13. С. 75]. Китай заявляет о своих правах, используя положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., толкуя их в ключе того, что Арктика и её природные ресурсы являются «общим наследием человечества» и не принадлежат исключительно «пятерке» прибрежных государств. То есть, по мнению представителей Китая, недопустимо со стороны арктических государств единоличное пользование природными богатствами Арктики, а также морскими судородными маршрутами; арктические государства обязаны учитывать интересы других государств и, исходя из этого, строить свою арктическую политику в сфере энергетики и судоходства.

Результаты исследования

Современная позиция Китая в отношении применимости режима «общего наследия человечества» к Арктике отражена в первом правовом документе Китая, в котором изложена «Арктическая политика» этого государства [11. С. 173]. Показательна констатация в документе того, что Китай имеет «права на исследование ресурсов и их использование в Районе (rights to resource exploration and exploitation in the Area)». То есть Китай, согласно анализируемому документу, уже исходит из того, что в настоящее время в Северном Ледовитом океане существует «Район» – «Международный район морского дна». Обозначение «Района» в Северном Ледовитом океане, однако, возможно в том случае, если все пять арктических прибрежных государств отграничат здесь свой континентальный шельф от «Района», согласно ст. 76 Конвенции 1982 г., посредством обращения в Комиссию по границам континентального шельфа. Утверждение в документе Китая о наличии в Арктике «Района» вряд ли надо считать намерением Китая лучше обеспечить свои национальные

природоресурсные интересы в отношении минеральных ресурсов дна Северного Ледовитого океана. Ведь создание «Района» в Арктике, не отвечающее национальным интересам ни одного из пяти арктических прибрежных государств, не отвечает и корректно понятым национальным интересам Китая, потому что доступ к минеральным ресурсам дна высокоширотной Арктики в этом случае обеспечил бы себе не Китай, а Орган по морскому дну. А вот в случае заключения двустороннего соглашения Китая с Россией (или с иным арктическим прибрежным государством) об участии китайских компаний в разработке минеральных ресурсов арктического шельфа, такой доступ реально обеспечивается на двусторонней договорно-правовой основе. Как отмечено в зарубежной литературе, Конвенция 1982 г. предоставляет Китаю правовую основу для управления Арктикой с двух позиций, наряду с судоходством в арктических морях и, в частности, по трассам Северного морского пути, выделяют права Китая на «разведку ресурсов в районе открытого моря Северного Ледовитого океана» (the UNCLOS grants China legal rights to explore the resources in the Arctic's high sea area) [14. С. 299].

Заключение

Доводы Китая в пользу применимости к Арктике норм Конвенции 1982 г., в т.ч. касающихся «общего наследия человечества», парадоксально совпадают с позицией НАТО и ЕС об этой Конвенции как «главной» в правовом режиме Арктики, при игнорировании исторически сложившегося ее статуса, начиная с русско-английской (1825 г.) и русско-американской (1867 г.) конвенций. Эта совпадающая позиция Китая, НАТО и ЕС не согласуется с отсутствием намерения приарктических государств создавать в Арктике район ОНЧ. В таком контексте больше соответствует интересам России резкая критика в США и Канаде попыток Китая расширительно толковать положения Конвенции 1982 г. об ОНЧ, особенно применительно к Арктике.

Литература:

1. Барсегов Ю.Г., Корзун В.А., Могилевкин И.М. Арктика: интересы России и международные условия их реализации. М., 2002.
2. Вылегжанин А.Н. Морские природные ресурсы (Международно-правовой режим). М., 2001.

3. Вылегжанин А.Н. Морское дно за пределами национальной юрисдикции // Международное морское право: Учебное пособие / под ред. С.А. Гуреева. М., 2003.
4. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Том 3. Российский совет по международным делам / Под общей ред. И.С. Иванова. М., 2013.
5. Вылегжанин А.Н. Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике: рабочая тетрадь / Гл. ред. И. С. Иванов / Российский совет по международным делам. М., 2013.
6. Войтоловский Г.К. Динамика развития. М., 2005.
7. Гуреев С.А. О необходимости подтверждения и правового закрепления исключительных прав России в Арктике / С.А. Гуреев, И.В. Буник // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Морская деятельность Российской Федерации: состояние и проблемы законодательного обеспечения / Под ред. В.А. Попова. М., 2005.
8. Жудро И.С. Эволюция международно-правового режима Северного Ледовитого океана и национальные интересы России // Московский журнал международного права. 2016. № 2.
9. Любимов Л.Л., Рогинко А.Ю., Войтоловский Г.К. Мировой океан: экономика и политика: Международные проблемы освоения / Под ред. Е.М. Примакова // Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. М., 1986.
10. Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море. М., 1980.
11. Boening A., Kremer J.-F., Loon A. Global Power Europe. Policies, Actions and Influence of the EU's External Relations / Springer Science & Business Media. Vol. 2. 2013.
12. Depledge D. The Circumpolar Arctic / Britain and the Arctic / Springer. 2017.
13. Ostreng W., Eger K. M., Fløistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., Mejlænders-Larsen M., Wergeland T. Shipping in Arctic Waters: A comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages / Springer Science & Business Media. 2013.
14. Peng J., Wegge N. China and the law of the sea: implications for Arctic governance // The Polar Journal. Vol. 4. No. 2. 2014.
15. Xiangxin Xu, Guobin Zhang, Guifang (Julia) Xue. China's Deep Seabed Law: Towards «Reasonably Appropriate» Environmental Legislation for Exploration and Exploitation of Deep Sea Minerals in the Area // Asian Yearbook of International Law. Vol. 21. 2017.
16. Zhiguo Gao, Myron H. Nordquist, Tommy Thong Bee Koh, John Norton Moore. China and the Law of the Sea / Freedom of Seas, Passage Rights and the 1982 Law of the Sea Convention. Martinus Nijhoff Publishers. 2009.
17. Торкунов А.В. Россия в изменяющейся геометрии современного мира // Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. Вып. 4. М., 2007 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
18. Торкунов А.В. Новая Россия в новом мире // Вступительная статья к изданию: Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 томах / Председатель ред. коллегии А.В. Торкунов; сост. Т.А. Шаклеина. Т. I. М., 2002 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
19. Торкунов А.В. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Концепции и определения демократии: антология. М., 2006 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.

CHINA'S STANCE TOWARDS THE APPLICABILITY OF THE COMMON HERITAGE OF MANKIND GOVERNANCE REGIME TO THE ARCTIC

Introduction. The article provides an analysis of China's tough stance towards the applicability of the governance regime of the common heritage of mankind to the Arctic referring to the Part XI of the United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982, in the general context of contemporary international law.

Materials and methods. General scientific and private scientific methods of cogni-

tion constitutes the methodological basis for the study.

Results of the study. In the course of the study the author concludes that China's current stance towards the governance regime of the International seabed area as the common heritage of mankind and towards the international maritime law as a whole should not have exclusively negative assessments as it was during the period of the confrontation between

the Soviet Union and the People's Republic of China in 1960-1980. Objectively the long-term interests of the People's Republic of China and the Russian Federation in the maintenance of international maritime law are aligned. However, a contemporary legal policy of China differs from the policy stated at the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. It became more focused on the promotion of China's national interests in the Arctic, on the creation of the Area of the common heritage of mankind in the Arctic Ocean, even though none of the Arctic Coastal State advocate this stance.

Conclusions. *In this article the author balances China's arguments in favour of applicability of norms of the international law related to the common heritage of mankind to the Arctic with the Arctic Coastal States' arguments against it according to the doctrine in the sphere of the international law in which the legal concept of the common heritage of mankind is clarified. The author reveals reasons of China's support of the concept of the common heritage of mankind initiated by the USA and China's effort to broadly interpret it especially towards the Arctic in terms of the Arctic Coastal States' stance towards this issue contained in the materials of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea (1973 – 1982).*

tic Coastal States' arguments against it according to the doctrine in the sphere of the international law in which the legal concept of the common heritage of mankind is clarified. The author reveals reasons of China's support of the concept of the common heritage of mankind initiated by the USA and China's effort to broadly interpret it especially towards the Arctic in terms of the Arctic Coastal States' stance towards this issue contained in the materials of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea (1973 – 1982).

Elena V. Kienko,
the Institute of Legislation and
Comparative Law under the Government of
the Russian Federation

Ключевые слова:

Арктика, Северный Ледовитый океан, режим управления «общим наследием человечества», Международный район морского дна, арктические государства, неарктические государства, Китай

Keywords:

the Arctic, the Arctic Ocean, the governance regime of the common heritage of mankind, the International seabed area, Arctic States, non-Arctic States, China

References:

1. Barsegov, Ju.G., Korzun, V.A., Mogilevkin, I.M., 2002. Арктика: интересы России и международные условия их реализации [The Arctic: interests of Russia and international conditions of their realization]. Moscow.
2. Vylegzhanin, A.N., 2001. Морские природные ресурсы (Международно-правовой режим) [Marine natural resources (international legal regime)]. Moscow.
3. Vylegzhanin, A.N., 2003. Морское дно за пределами национальной юрисдикции [Seabed beyond national jurisdiction]. *Международное морское право: Учебное пособие [the International Law: handbook]. Edited by Gureev S.A.* Moscow.
4. Vylegzhanin, A. N., 2013. Правовое положение Арктического региона в документах [Legal regime of the Arctic region in documents]. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества [The Arctic region: international cooperation issues]. Vol. 3. Российский совет по международным делам [Russian International Affairs Council]. Edited by Ivanov, I.S., Aspekt Press, Moscow, 663 s.
5. Vylegzhanin, A. N., 2013. Предложения к дорожной карте развития международного-правовых основ сотрудничества России в Арктике: рабочая тетрадь [Proposals to the road map on the international legal basis development of Russia's cooperation in the Arctic]. Российский совет по международным делам [Russian International Affairs Council]. Edited by Ivanov I.S. Moscow.
6. Vojtlovskij, G.K., 2005. Динамика развития [Dynamic of development]. Moscow.
7. Gureev, S.A., 2005. О необходимости подтверждения и правового закрепления исключительных прав России в Арктике [About the necessity of reaffirmation and legal ensuring of Russia's rights in the Arctic]. Edited by Gureev, S. A., Bunik, I. V. *Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Морская деятельность Российской Федерации: состояние и проблемы законодательного обеспечения [the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Maritime activities of the Russian Federation: state and issues of regulatory framework].* Moscow.
8. Zhudro I.S., 2016. Эволюция международного-правового режима Северного Ледовитого океана и национальные интересы России [Evolution of the international legal regime of the Arctic Ocean and national interests of Russia]. *Московский журнал международного права [Moscow Journal of International Law].* № 2.
9. Ljubimov L.L., Roginko A.Ju., Vojtlovskij G.K., 1986. Мировой океан: экономика и политика: Международные проблемы освоения [the Oceans: the economy and the policy: international development issues]. Edited by Primakov E.M. *Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР [the Institute of World Economy and International Relations].* Moscow.
10. Stepanov E.D., 1980. Экспансия Китая на море [China's expansion on the Sea]. Moscow.
11. Boening A., Kremer J.-F., Loon A., 2013. Global Power Europe. Policies, Actions and Influence of the EU's External Relations. Springer Science & Business Media. Vol. 2.

12. Depledge D., 2017. *The Circumpolar Arctic. Britain and the Arctic*. Springer.
13. Ostreng W., Eger K. M., Fløistad B., Jørgensen-Dahl A., Lothe L., Mejlænder-Larsen M., Wergeland T., 2013. *Shipping in Arctic Waters: A comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages*. Springer Science & Business Media.
14. Peng J., Wegge N., 2014. China and the law of the sea: implications for Arctic governance. *The Polar Journal*. Vol. 4. No 2.
15. Xiangxin Xu, Guobin Zhang, Guifang (Julia) Xue, 2017. China's Deep Seabed Law: Towards «Reasonably Appropriate» Environmental Legislation for Exploration and Exploitation of Deep Sea Minerals in the Area. *Asian Yearbook of International Law*. Vol. 21.
16. Zhiguo Gao, Myron H. Nordquist, Tommy Thong Bee Koh, John Norton Moore, 2009. *China and the Law of the Sea. Freedom of Seas, Passage Rights and the 1982 Law of the Sea Convention*. Martinus Nijhoff Publishers.
17. Torkunov A.V. Rossiia v izmeniaiuushcheisia geometrii sovremennogo mira [Russia in the Variable Geometry of the Modern World]. *Nauchnye problemy natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Scientific Issues of National Security of the Russian Federation]. Vol. 4. Moscow, 2007. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
18. Torkunov A.V. Novaia Rossiia v novom mire [New Russia in The New World]. *Vstupitel'naia stat'ia k izdaniuu: Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii. 1991-2002: Khrestomatia: V 4 tomakh* [Introductory Article for the Edition: Foreign Policy and Security of Modern Russia]. Predsedatel' red. kollegii [Chief of the Editorial Board] A.V. Torkunov; sost. T.A. Shakleina. T. I. Moscow, 2002. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
19. Torkunov A.V. Rossiiskaia model' demokratii i sovremennoe global'noe upravlenie [A Russian Model of Democracy and Modern Global Governance]. *Kontseptsii i opredeleniia demokratii: antologiiia* [Concepts and Definitions of Democracy: Anthology]. Moscow, 2006. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.